

УДК: 159.9.072.43; 364.272

DOI 10.23951/2307-6127-2019-5-189-200

ПРОБЛЕМЫ ПОПУЛЯЦИОННОЙ ОЦЕНКИ РИСКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ

С. В. Тюлюпо¹, Б. А. Дашиева²

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск*

² *Научно-исследовательский институт психического здоровья Томского национального исследовательского медицинского центра, Томск*

Обсуждаются психологические причины искажения опросных данных о распространенности поведения подростков, ассоциированного с риском правонарушений. Раскрыты условия подготовки и проведения опросов, мотивирующие или демотивирующие респондентов на участие в анкетировании и предоставлении релевантных данных. Эмпирическим основанием сделанных выводов являются результаты наблюдения поведения респондентов и их родителей в процессе подготовки к опросу и его проведения в 27 общеобразовательных школах. Учет психологических потребностей подростков и их родителей рассматривается как ключевое условие получения валидных данных. Авторы указывают на необходимость учета потребностей респондентов в безопасности, информации и признании социальной ценности их ответов. Они описывают ряд примененных ими мотивирующих приемов и способов дебрифинга возможных негативных последствий опроса. Применение этих приемов позволило поднять уровень сотрудничества подростков в процессе опроса.

Ключевые слова: *профилактика правонарушений, мониторинг, ФЗ № 120, употребление ПАВ, подростки, молодежь, поведение респондента.*

Контроль риска правонарушений сегодня рассматривают как необходимое условие создания комфортной социальной среды, оптимизации показателей качества жизни молодежи и стабилизации показателей здоровья подрастающего поколения [1–3].

Типичными объектами исследований в этом контексте выступают средовые и индивидуально-личностные предикторы проблемного поведения, ассоциированного с риском правонарушений (ППАРПН). К такому поведению относят употребление психоактивных веществ (ПАВ), поведение риска, девиантное и делинквентное поведение. В качестве его средовых предикторов рассматриваются социально опасные условия разной природы, неприятие подростка со стороны значимых взрослых, жестокое обращение с ним, отвержение или травля в кругу сверстников [4–6]. Спектр индивидуально-личностных предпосылок правонарушений включает проблемную самооценку и эмоциональную неустойчивость, импульсивность, враждебность и агрессивность, нарушения ценностно-смысловой и эмоционально-волевой регуляции поведения. Исследования в этой области охватывают как городские, так и сельские молодежные популяции.

В то же время в России практика оценки риска правонарушений среди молодежи подлечит не только этической, но и гражданско-правовой регламентации. Мониторинг ассоциированных с правонарушениями паттернов поведения и средовых условий входит в систему мер профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних, предусмотренных Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 N 120-ФЗ [7]. В качестве одной из основных задач этот Закон рассматривает выявление и устранение причин и условий воз-

никновения широкого спектра неблагополучия несовершеннолетних: от склонения их к суицидальным действиям до совершения ими правонарушений и антиобщественных действий [7, ст. 2].

Поводом к написанию этой статьи стало следующее противоречие. При проведении официального опроса, направленного на выявление частоты употребления ПАВ обучающимися в сельских школах Томского района Томской области (ТО), из 2550 учащихся 15–17 лет только 55 респондентов (2,1 %) указали, что пробовали те или иные ПАВ: алкоголь, никотин, наркотики. Упомянутый опрос был инициирован Управлением образования Администрации Томского района в контексте реализации Ф3-120. Не менее оптимистичные показатели представлены и в докладе Уполномоченного по правам ребенка в Томской области, в котором со ссылкой на статистические данные Томского областного наркологического диспансера за 2018 г. указывается, что на наркологическом учете состоят 18 потребителей наркотиков, 140 потребителей алкоголя. Это составляет 0,03 и 0,2 % подросткового населения ТО соответственно. Также по области зафиксирован 1 случай токсикомании, а случаев подросткового алкоголизма и наркомании не зафиксировано вообще [8].

Между тем в связи с актуализацией современных социальных рисков исследователи последних лет отмечают особую уязвимость подростков и молодежи по отношению к факторам, ассоциированным с риском правонарушительного поведения. Так, о нарастании количества факторов социального дистресса и его интенсивности в подростковой популяции указывает множество авторов [9]. Распространение и популяризация ПАВ и разных форм социально опасного поведения в современных медиа являются еще одним средовым фактором, давление которого заставляет сомневаться в реалистичности официально представленной картины. Это подтверждают и данные отчетов. Например, в докладе Уполномоченного по правам ребенка в ТО указывается, что «...количество несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, уменьшилось... с 94 до 67 (и с 67 до 63 в 2018 г.); один подросток... совершил преступление в состоянии наркотического опьянения» [10, с. 21].

То есть недоучет случаев риска правонарушений на почве употребления ПАВ сполна «компенсируется» глубиной его актуализации в конкретных правонарушительных деяниях подростков и молодых людей. При этом спутанная информация о тенденциях употребления ПАВ дает основания для спутанной же оценки результативности действий, направленных на профилактику феномена. Так, в смежных пунктах одного и того же отчетного административного документа мы видим такие положения: «Анализ показателей официальной медицинской статистики говорит о продолжающемся вовлечении значительной части детского и подросткового населения в незаконное употребление наркотиков и других ПАВ. При этом наблюдается сокращение потребления наркотиков и алкоголя. Такая ситуация обусловлена прежде всего четкой стратегией и межведомственной координацией» [8, с. 17]. Оставим за пределами статьи вопрос о том, насколько четкой может быть стратегия действий, базирующихся на неясной и противоречивой информации об объекте воздействия.

Наши собственные действия, связанные с профилактикой правонарушений несовершеннолетними, также дают основание говорить о малой реалистичности данных мониторинга. Так, в одной из школ обследованного района во время профилактической беседы о вреде курения в 5-м классе только трое из пятнадцати учеников указали, что «...вообще не пробовали курить». Пятеро – демонстрировали явные признаки психической зависимости от никотина. Участники беседы были хорошо осведомлены, как сделать «бульбулятор» (самодельное приспособление для курения конопли и табака), чего и сколько туда

насыпать и где растет подходящая для этого конопля. В индивидуальных беседах с подопечными, мы обнаруживали, что около 20 % из них признаются в факте употребления или пробы того или иного вида ПАВ [11]. К моменту проведения официального опроса все наши «подопечные» вошли в обследованную когорту, но явно не внесли вклад в выявленный риск.

Чем же обусловлено почти десятикратное расхождение данных со статистикой официального мониторинга? Какие факторы актуализируются в контексте мониторинга поведенческих предпосылок правонарушений и оказывают влияние на готовность респондентов предоставлять информацию?

Дать ответ на эти вопросы мы попытаемся на основании анализа данных исследования, реализованного в рамках трехстороннего сотрудничества Управления образования Томского района ТО с НИ ТГУ и НИИПЗ ТНИМЦ. В этом контексте в 18 школах района был реализован опрос, направленный на выявление у сельских школьников, учащихся 7–11-х классов, средового и индивидуального риска снижения психологического благополучия и возникновения проблемного поведения. Содержание опросной методики и процедуры опроса представлено в формате прошедшей государственную регистрацию базы данных, включающей 578 респондентов [12]. На текущий момент в опросах приняли участие более 1100 подростков из 27 школ, расположенных в сельских поселениях и малых городах Сибири.

В контексте данной статьи объектом анализа является взаимосвязь поведения респондентов и их полномочных представителей с условиями, в которых реализовывался опрос. Представленные выводы базируются на результатах наблюдения поведения респондентов в процессе опроса и их полномочных представителей на этапе получения информированного согласия (ИС). В этом контексте мы учитывали количество отказов школьников и их родителей от участия в исследовании, возникновение в группах обследования паттернов взаимодействия, препятствующих индивидуальной работе респондентов с опросниками, отказы отвечать на вопросы отдельных блоков опросника или пропуски таковых.

Начнем с того, что предпосылки к искажению реальных показателей распространенности проблемного поведения возникали уже на уровне получения согласия родителей на участие их детей в обследовании. От участия в нем отказывались прежде всего родители подростков, поведение которых, по наблюдению педагогов, социальных работников и администрации школы, и было проблемным.

Здесь мы отметим первое из существенных отличий данного исследования от практик мониторинга. Формулировки ИС родителей на обследование детей в рамках официального мониторинга, как правило, содержат униполярные утверждения: «Я, (ФИО _мать (отец, опекун и т. д.) несовершеннолетнего (ФИО), даю согласие на психологическое обследование...». В подобном случае сама формулировка акта согласия несет потенциал социального давления, противостояние которому требует определенной неконформности родителей.

Во-вторых, предоставление родителям бланков ИС опосредованно (через подростка) ни в какой степени не предполагало давления на самого подростка, что заранее обсуждалось с педагогическим коллективом как обязательное условие, независимо от того, сколько детей в итоге примет участие в опросе.

В реальности в ходе проведения официального мониторинга, осуществляемого школами в контексте профилактики правонарушений, как родители, так и подростки уже на этом этапе подвергаются давлению и в групповом, и в индивидуальном формате. Передаточным звеном этого давления оказывается, как правило, классный руководитель, вовлеченность которого в этот процесс вполне объяснима. Полный охват мониторингом его подопечных

администрация школы часто рассматривает как формальный показатель эффективности работы педагога с контингентом родителей и учащихся. Соответственно, учитель может прибегнуть к различным манипуляциям в коммуникации с родителями, оказывать прямое давление на подростка.

Кроме того, в соответствии с локально используемыми методическими рекомендациями по проведению мероприятий мониторинга, в случае неподписания ИС, родители должны обосновать свой отказ в письменном виде. То есть в этих условиях принцип свободы волеизъявления родители могут реализовать только при немалой степени нонконформизма и правовой грамотности.

Таким образом, уже на данном этапе как подросток, так и родители выступают как достаточно примитивный объект социального влияния, поведение которого детерминировано требованиями социальной необходимости.

Напротив, в соответствии с этикой научных исследований, проводимых с участием человека, были созданы все условия для соблюдения принципа добровольности участия в исследовании. С администрацией школы была заранее оговорена необходимость исключить вероятность оказания давления на родителей. В бланке ИС к ним обращались как к полноправным партнерам исследования, подчеркивался их вклад в получение информации, ценной не только для социального развития региона, но и для создания комфортной среды в их собственной школе. Бланк согласия содержал пункт, в котором родители могли выразить отказ от участия. Важной составляющей текста согласия было указание на конфиденциальность данных, предоставляемых респондентами.

Все это обеспечивало полноту свободы их решения. На готовность родителей дать согласие на обследование ребенка может влиять и то, кто именно и в какой форме предоставляет информацию о целях обследования. Так, при информировании родителей представителем исследовательского коллектива от участия в опросе отказывались лишь отдельные родители. Количество отказов родителей в случае их информирования представителями педагогического коллектива могло достигать 25–30 %.

В качестве еще одной из причин заниженных показателей употребления ПАВ может рассматриваться нечувствительность используемых диагностических методик к оцениваемому объекту. Так, по данным А. В. Смирнова, при проведении диагностики от 33 до 53 % аддиктивных лиц, вне зависимости от типа аддикции, склонны утаивать значимую информацию [13]. В нашей целевой группе около 10 % мальчиков отказывались отвечать на вопросы, касающиеся употребления ПАВ [11]. Это во многом обусловлено очевидным для респондентов негативным отношением к изучаемому явлению со стороны организаторов опросов. Прямые вопросы позволяют респонденту мгновенно «вычислить» социально желательный ответ. Так, в опросе на вопрос «Пробовали ли Вы наркотики?» положительно отвечает только 1,3 %. Тогда как на вопрос «В чем вы находите успокоение, отдушину, когда тебе тяжело» с множественным выбором отвечают «...в употреблении наркотиков» уже 14,1 % респондентов.

Опрос, о котором мы говорили в начале статьи, также был реализован на основании подобной анкеты, включающей несколько прямых вопросов, об отношении респондента к ПАВ: никотину, алкоголю, наркотикам. Его результаты показали, как применение прямолинейных опросных методик для оценки выраженности употребления ПАВ приводит к возникновению системной ошибки получаемого массива данных.

Характер опросника и специфика диагностируемого объекта являются важными, но далеко не единственными факторами, влияющими на поведение респондента, искажающими реальную картину употребления ПАВ в подростковой/молодежной среде. В этом контексте

представляют интерес и способы получения ИС, подходы к мотивации респондентов на участие в обследовании, процедура проведения опроса.

По нашим наблюдениям, мотивация самих подростков на участие в исследовании и на последовательную работу с опросником также зависит от того, кто именно сопровождает опрос и в каких условиях он проводится. Например, одно только присутствие педагога могло затормозить работу группы, вызвать напряжение, вплоть до отказа некоторых участников продолжать опрос. В условиях опроса, проводимого без участия педагогического персонала, когда подростки уверены в своей безопасности, они становятся более открытыми.

Дестабилизировало работу респондентов проведение опроса в группах более 15 человек. Эта тенденция усиливалась при проведении его в группах, представленных учащимися одного класса. Важным условием являлось предоставление респонденту личного пространства (посадка за отдельную парту). Обычное размещение учеников (двое за одной партой) приводило к возрастанию помех. В ситуации, когда в группах одновременно обследуемых ребят оказывался неформальный лидер с выраженной деструктивной позицией, требовались дополнительные усилия для сохранения условий работоспособности группы. Подтверждение того, что каждый из участников имеет право отказаться от участия в любой момент времени без объяснения причин, в таких случаях помогало снять напряжение в группе.

Учитывая, что среди респондентов были учащиеся с ограниченными возможностями здоровья, им предоставлялась возможность сделать при необходимости 5–10-минутный перерыв в работе с опросником, вернуться к его заполнению после отдыха. При этом длительность работы с опросником варьировала от 25 до 60 мин (с перерывом). Важно, что после перерыва практически все респонденты возвращались к работе.

Еще один момент, затруднявший работу с опросником, связан с оформлением опросных бланков. При мелкой печати бланков (меньше 12-го кегля), использовании масштабирования (2 страницы на одном листе) или двусторонней печати в группе раньше появлялись признаки утомления, высказывания о желании прекратить работу, увеличивалось время работы с опросником, появлялись пропуски блоков вопросов, расположенных на обороте листа.

Таким образом, в процессе проведения опросов мы обнаружили, что большое значение для получения полноценных данных имеет организация комфортного для индивидуальной работы пространства, предоставление индивидуально достаточного количества времени и приемлемого ритма работы. К сожалению, эти факторы не всегда учитываются при проведении официальных опросов.

Анализ отчетов волонтеров дает основания предположить, что готовность респондентов отвечать на все вопросы опросника более стабильна при предварительном обращении к подросткам с разъяснением социальной значимости их участия в исследовании и предоставлении ребятам возможности задать интересующие их вопросы о цели исследования, значении предоставляемой информации, порядке обработки и использования данных.

Снижает готовность респондентов отвечать на все вопросы опросника и наличие конкурентных мотивов. Так, проведение опроса в учебное время в период, свободный от контрольных точек, подготовки к экзаменам (сентябрь, ноябрь) дает большее количество полностью заполненных бланков. При этом попытка реализовать опрос в свободное время учащихся или во время внеурочной деятельности приводит к появлению в бланках целых блоков пропущенных вопросов. Оптимальным компромиссным вариантом оказалось проведение опроса на уроках, предполагающих индивидуально ориентированное наполнение

(основы социализации личности, обществознание, классный час, личностно ориентированные семинары).

Таким образом, оптимальными условиями для проведения опроса в сельских школах оказались: обследование в первой половине дня, в начале учебного года, в малых (до 15 человек) смешанных группах; при сопровождении опроса двумя или более волонтерами, не являющимися членами педагогического коллектива или жителями села; предоставление респондентам достаточного личного пространства и возможности работать с опросником в индивидуальном ритме. В таких случаях при принятии бланков мы практически не обнаруживали неизбирательных пропусков пунктов опросника.

В еще большей степени на поведение респондентов и их готовность представлять или скрывать значимую информацию влияют такие факторы, как порядок прохождения и обработки первичного эмпирического материала (опросных бланков) и характер принимаемых на этом основании решений. Достаточно часто именно они определяют безопасность участника опроса после проведения мониторинга.

Например, существуют методические разработки по проведению мониторинга и реализации задач профилактики, в которых руководителям учреждений, не имеющих возможности для «централизованной обработки результатов опроса», предписывается вносить данные опроса в таблицу «своими силами». Как правило, речь в таких случаях идет об образовательных учреждениях, локализованных в удаленных от городской инфраструктуры сельских поселениях. Социум подобных поселений чрезвычайно тесен, действия каждого его члена, независимо от возраста, прозрачны для сообщества. Такие образовательные учреждения, как правило, не имеют возможности привлекать к работе с учащимися высококвалифицированных профильных специалистов: психологов, социальных педагогов, специалистов по социальной реабилитации. Их трудовые функции зачастую реализует обычный педагог, в лучшем случае прошедший краткосрочные курсы повышения квалификации.

В подобных обстоятельствах результаты опроса подростка могут оказаться в руках человека, который хорошо знает его, семью и, возможно, поддерживает отношения с кем-либо из его близкого окружения. Часто отношение к подростку/молодому человеку, тем более если последний действительно демонстрирует паттерны проблемного поведения, оказывается весьма пристрастным. О какой конфиденциальности представленных данных в подобной ситуации может идти речь?

Мы не говорим уже о том, что само понятие «конфиденциальность» в среде сельских педагогов воспринимается как весьма условное. В своей практике, особенно в начале исследовательского проекта, мы не раз сталкивались, например, с тем, что сразу после опроса к членам исследовательской группы подходили заинтересованные педагоги с вопросами об ответах конкретных учеников или просили посмотреть: «Что там мои понаписали?». На замечания о том, что данные опросных бланков строго конфиденциальны и не подлежат разглашению, мы могли услышать простодушное: «Конечно, конечно, я никому не скажу!».

Случалось, что просьба предоставить по результатам обработки данных список неблагополучных подростков исходила не только от отдельного педагога, но и от администрации школы. Эти обстоятельства хорошо известны отвечающему на вопросы подростку/молодому человеку. Не удивительно, что многие респонденты приступали к работе с опросником, только многократно получив заверения о том, что их ответы ни при каких обстоятельствах не попадут в руки учителям. Подобное состояние дел вполне объяснимо. Возвращение по результатам опроса конкретных рекомендаций, с каким подростком, в каком направлении и в какой форме должна быть проведена «профилактическая работа», составляет весьма пространную практику в школах.

С другой стороны, возможность получить позитивную обратную связь по результатам проделанной работы стимулирует подростков к рефлексии феноменов, на которые направлен опрос, формирование личностной позиции по отношению к ним. По нашим наблюдениям, поведение подростков на протяжении опроса становится более конструктивным и последовательным при предоставлении им возможности обратной связи о результатах обследования или предложении им возможности обсуждения вопросов, возникших у них в процессе работы с опросником, или согласованного с направленностью опроса семинара с частично открытой тематикой. В центре обсуждения в таком случае чаще всего оказывалась их субъективная оценка своей жизни в настоящем и предполагаемом будущем.

Фокусировка на интересных для респондентов аспектах работы с опросником в рамках данного семинара позволяла реализовать своеобразный дебрифинг эмоциональных последствий опроса, инициировать групповую дискуссию и процессы рефлексии, направленные на формирование позитивного образа будущего, эффективного поведения в трудных жизненных ситуациях, предоставить ситуационно необходимую информацию.

В противовес реализованному подходу, при проведении мероприятий официального мониторинга правонарушений, в лучшем случае какая-либо связь последующих мероприятий и программ профилактики с участием подростков/молодых людей просто отсутствует. В худшем – на основании проведенного мониторинга с подростком/молодым человеком и членами его ближайшего окружения проводятся «индивидуальные профилактические мероприятия».

Если учесть, что организационная, педагогическая и психологическая культура образовательного учреждения, далеко не всегда *de facto* базируется на уважении к личности подростка, то естественно, что подростки предпринимают максимум усилий для профилактики риска возникновения ситуации «индивидуальной профилактической работы с подростком группы риска и членами его семьи».

Даже если допустить, что педагогический коллектив по результатам мониторинга провел свою часть профилактической работы с семьей по всем правилам искусства, безопасность подростка/молодого человека все равно остается под угрозой. Воспитательные стратегии и родительская компетентность родителей обучающихся из группы социального риска часто далеки от благоприятствующих позитивному развитию ситуаций. Например, в нашей практике, после одной из вполне корректно проведенных бесед с родителями, 13-летний подросток пришел в школу с синяком под глазом. В данном случае педагог реализовала семейно ориентированный подход в работе с подростком, испытывающим трудности в обучении. Она совместно с родителями определила имеющиеся у мальчика затруднения, доброжелательно говорила о том, в чем именно подростку могут помочь родители, уточняла, как это сделать, на какие сильные стороны личности мальчика можно опереться, в чем она сама может помочь со своей стороны. Однако отец, приступив к реализации выработанной совместно с педагогом программы действий, не смог справиться с собственными эмоциями, столкнувшись, по всей видимости, с естественными для подросткового возраста паттернами защитного поведения сына.

Тем более не безопасен для подростков фактически принудительный подход в работе с семьей, реализуемый образовательными учреждениями как субъектами системы профилактики правонарушений. В обстоятельствах дефицита воспитательных компетенций семьи любое некорректное социальное вмешательство может становиться триггером психологического и даже физического насилия.

Кроме того, в реальной деятельности школы крайне трудно выдержать тонкую грань конфиденциальности и индивидуального подхода, на практике обеспечить потребности

подростка в безопасности и гарантии его права на частную жизнь. Тем более что множество регламентирующих документов требует одновременно и организовать «...проведение социально-психологического тестирования... школьников... на предмет незаконного потребления ими наркотических средств и психотропных веществ», и «...реализовать активную комплексную профилактику развития наркомании ... с привлечением всех специалистов, работающих с детьми, попавшими в зависимость от алкоголя или наркотиков...», и организовать «...заслушивание на заседаниях ответственных должностных лиц», и провести в контексте профилактики «... активную работу с родителями и родительской общественностью», и «...организовать выявление медперсоналом „балующихся“ наркотиками».

Как суметь при всем этом еще и «...не разглашать информацию о наркологических проблемах» – остается вопросом вопросов. Тем более если речь идет о малокомплектных сельских школах, где учитель зачастую в одном лице совмещает функции социального педагога, психолога и к тому же живет в соседнем доме с «балующимся наркотиком» подростком. Все приведенные в данном абзаце выдержки относятся к одному документу, разработанному в Новосибирской области [14]. Однако он является типовым и объединяет множество законных и подзаконных актов, в соответствии с которыми задачи профилактики правонарушительного поведения молодежи решаются во многих регионах Российской Федерации.

Таким образом, многие подходы к мониторингу риска правонарушительного поведения у подростков и молодежи, используемые официальными «субъектами профилактики», вступают в прямое противоречие с этическим принципом «не навреди». Они противоречат также и положениям ФЗ № 120 о том, что «...деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних основывается на принципах «...индивидуального подхода к несовершеннолетним с соблюдением конфиденциальности полученной информации» [7, с. 2]

Противоречия, с описания которых мы начали статью, являются частной иллюстрацией того, как игнорирование индивидуальных потребностей респондента вносит искажения в статистику, необходимую для мониторинга противоправного поведения и его поведенческих предикторов. Аналогичные практики «ранней оценки рисков» всевозможных девиаций социально-психологического развития подростков, к сожалению, находят распространение во всех регионах России. Общеобразовательные школы выступают в этом случае как «субъекты профилактики безнадзорности и правонарушительного поведения несовершеннолетних» [7, 14]. При этом клише законодательного документа об основах профилактики самым буквальным образом переносится в реальную практику. Тот факт, что попытка сохранить отношения строгой асимметрии ролевых позиций в системе «Субъект» (учреждение системы профилактики) – «Объект» (лицо, на поведение которого направлена профилактика) попросту блокирует эффективность любых диагностических мероприятий, не обсуждается. Между тем подросток несет все составляющие человеческой природы, сутью которой является стремление и способность выходить за любые границы, кем бы они не были установлены. Теряя свою субъектность как полноправный участник процесса создания и совершенствования безопасной, комфортной социальной среды, подросток, как и его семья, компенсируют эту утрату, реализуя свой трансцендентный потенциал как субъекты сопротивления этой практике.

Описанные альтернативные решения в организации опроса не являются новым словом в психодиагностике проблемного поведения. Используемые подходы описаны в классических руководствах по психодиагностике и социологическим исследованиям. Например, присутствие в команде сопровождающих опрос представителей высокостатусных социаль-

но активных организаций, их личное обращение к опрашиваемым позволяют респонденту выступить в качестве полноправного партнера исследователя, мотивируют его к сотрудничеству. Ту же функцию несет и корректно представленная информация о том, кто и зачем проводит исследование.

Не понятно, почему эти важные нюансы игнорируются при проведении разного рода массовых диагностических обследований, проводимых на уровне ведомств образования и здравоохранения? Невнятные, безличные, стереотипные фразы ИС, бланки, отпечатанные нечитаемым шрифтом на серой бумаге, полное отсутствие информации об организаторах опроса, их целях, задачах, области ответственности, императивный характер взаимодействия с учениками и их семьями – все это, к сожалению, стало социальной нормой в практике профилактики правонарушений, осуществляемой на базе общеобразовательных школ. Даже простое «Благодарим тебя за участие в опросе!» на бланках является скорее случайным, чем обязательным явлением. Подобные феномены попросту разрушают любую готовность подростков/молодых людей и их семей сотрудничать с представителями «субъектов профилактики».

Необходимость адаптации используемых в этих целях методик к языковым и социокультурным характеристикам обследуемых групп тем более не обсуждается. Между тем в России не для всех граждан государственный язык является родным. Мы практически не обнаруживаем в доступных публикациях указания на хотя бы единичные случаи адаптации используемых методик к языковой специфичности обследуемой группы подростков. Кроме того, мероприятия, предусмотренные ФЗ № 120, реализуются в многоукладном, многонациональном государстве, и здесь нюансы этнокультурных норм накладывают свои предписания: о чем говорить подростку, а о чем молчать. Таким образом, диагностика и профилактика правонарушений в подростковой/молодежной среде является, с нашей точки зрения, обширнейшим полем задач, решение которых требует не столько командно-административных, сколько гуманитарных подходов.

Маловероятно, что в контексте реализации мониторинга противоправного поведения в подростковой и молодежной среде в полной мере применим принцип этического абсолютизма, предполагающего наличие незыблемых норм и стандартов действия, правильных, независимо от контекста их применения. Однако проблемные зоны диагностики риска во многом обусловлены пренебрежением самыми элементарными принципами проведения психодиагностических и социологических опросов. Организаторам опросов, осуществляемых в рамках оценки риска правонарушений подростков и молодых людей, стоит учитывать:

– что «...результаты исследований всегда приобретают личностный смысл для обследуемого...» и что «... пассивная роль, отводимая испытуемому, лишает исследователя важной информации» [15, с. 130–133];

– что при проведении всякого рода опросов «...необходимо учитывать культурные особенности исследуемой общины и ее членов» [16];

– что исследователи «...обязаны гарантировать безопасность участников опроса, защищая неприкосновенность частной жизни людей, вовлеченных в исследовательскую программу, даже если на них самих оказывается давление извне» [16, с. 6];

– что «...возможность нанесения морального урона личности обследуемого дискредитирует исследование» [15, с. 144].

Несоблюдение этих классических требований приводит к невозможным потерям организационных ресурсов, низкой валидности получаемых данных, дискредитирует саму идею профилактики правонарушений и ассоциированного с ним вариантов проблемного

поведения как способа построения комфортной и безопасной социальной среды для позитивного развития личности подростков и молодых людей.

Статья подготовлена при поддержке программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект 8.1.54.2018).

Список литературы

1. Баранов А. А., Альбицкий В. Ю. Состояние здоровья детей России, приоритеты его сохранения и укрепления // Казанский мед. журнал. 2018. Т. 99, № 4. С. 698–705.
2. Aldridge J. M., McChesney K. The relationships between school climate and adolescent mental health and wellbeing: A systematic literature review // International Journal of Educational Research. 2018. Vol. 88. P. 121–145.
3. Reis D. C. dos, Corra de Almeida T. A., Miranda M. M., Alves R. H., Faria Madeira A. M. Health vulnerabilities in adolescence: socioeconomic conditions, social networks, drugs and violence // Revista Latino-Americana De Enfermagem. 2013. Vol. 21, № 2. P. 586–594.
4. Augustyn M. B., Thornberry T. P., Henry K. L. The reproduction of child maltreatment: An examination of adolescent problem behavior, substance use, and precocious transitions in the link between victimization and perpetration // Development And Psychopathology. 2019. Vol. 31, № 1. P. 53–71. DOI: 10.1017/S0954579418001633
5. Hanimoglu E. Deviant Behavior in School Setting // Journal of Education and Training Studies. 2018. Vol. 6, №10. P. 133–141.
6. Pedersen M. U., Tomsen K. R. Externalizing behavior problems are related to substance use in adolescents across six samples from Nordic countries // European Child & Adolescent Psychiatry. 2018. Vol. 27, № 12. P. 1551–1561.
7. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 N 120-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 31.07.2019).
8. О соблюдении прав и законных интересов детей в Томской области: ежегодный доклад по итогам 2018 года. Уполномоченный по правам ребенка в Томской области. Томск, 2019. 184 с.
9. Макушкин Е. В., Чибисова И. А. Дети и подростки в ситуациях социального дистресса // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2017. Вып. 2, №11. С. 4–12.
10. О соблюдении прав и законных интересов детей в Томской области: Ежегодный доклад по итогам 2017 года. Уполномоченный по правам ребенка в Томской области. Томск, 2018. 93 с.
11. Бохан Н. А., Карауш И. С., Дашиева Б. А., Куприянова И. Е. Аддиктивное поведение и факторы риска, связанные со средой, у подростков с различным уровнем здоровья // Наркология. 2018. В. 17, № 7. С. 48–57.
12. Тюлюпо С. В., Дашиева Б. А., Арышева Е. Г., Настас А. Э. Средовые и индивидуальные индикаторы субъективного благополучия подростков из сельских, малых городских и кочевых сообществ Сибири // База данных. Свидетельство о государственной регистрации № регистрации 2019620069 от 14.01.2019.
13. Смирнов А. В. Стремление к сокрытию аддикции как проблема психодиагностики аддиктивного поведения // Образование и наука. 2010. № 9. С. 48–55.
14. Методические рекомендации по организации деятельности антинаркотических комиссий в муниципальных образованиях в субъектах Российской Федерации. Новосибирск, 2014. 111 с.
15. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика: учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2006. 351 с.
16. Руденко Л. Д. Современные методы социологических исследований: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 120 с.

Тюлюпо Светлана Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: svetdy@mail.ru

Дашиева Баирма Антоновна, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт психического здоровья Томского национального исследовательского медицинского центра (ул. Алеутская, 4, Томск, Россия, 634014).
E-mail: bairma2009@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.08.2019.

DOI 10.23951/2307-6127-2019-5-189-200

THE PROBLEMS OF POPULATION ASSESSMENT OF THE OFFENSES RISK AMONG PUPILS IN COMPREHENSIVE SCHOOLS

S. V. Tyulyupo¹, B. A. Dashiyeva²

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Mental Health Research Institute Tomsk National Research Medical Center, Tomsk, Russian Federation

The article discusses the psychological causes of distortion of survey data on the prevalence of adolescent behavior associated with the risk of offenses. The conditions for the preparation and conduct of surveys that motivate or demotivate adolescent respondents to participate in the survey and provide relevant data are revealed. The empirical basis of the conclusions are the results of observing the behavior of respondents and their parents in the process of preparing for the survey and its conduct in 27 secondary schools. Account for the psychological needs of adolescents and their parents is considered as a key condition for obtaining valid data.

The decreased willingness of adolescents to participate in surveys and provide reliable data is considered as the main cause of data distortion. According to the authors, the following factors lead to this. These are: pressure from the questionnaire organizers, lack of conditions for comfortable individual work with the questionnaire, violation of confidentiality, neglect of the cultural and linguistic characteristics of the examined adolescents groups when creating questionnaires and conducting a survey. Taking into account the psychological needs of adolescents when monitoring the risk of their offenses is considered an ethical imperative that requires strict observance. The authors point to the following needs of respondents for obtaining valid data. These are the needs for security, information and acknowledgment of the social value of their answers. The authors indicate possible ways of fulfilling the above needs during the survey and describe their motivating methods and methods for debriefing the possible negative consequences of the survey. The use of these techniques allowed the authors to increase the level of cooperation among adolescents in the survey process.

Keywords: *crime prevention, monitoring, use of substances, Federal Law No. 120, adolescents, youth, respondent behavior.*

References

1. Baranov A. A., Al'bitskiy V. Yu. Sostoyaniye zdoroviya detey Rossii, prioritye ego sokhraneniya i ukrepleniya [State of health of children in Russia, priorities of its preservation and improving]. *Kazanskiy med. zhurnal – Kazan Medical Journal*, 2018, vol. 99, no. 4, pp. 698–705 (in Russian). DOI: 10.17816/KMJ2018-69
2. Aldridge J. M., McChesney K. The relationships between school climate and adolescent mental health and wellbeing: A systematic literature review. *International Journal of Educational Research*, 2018, vol. 88, pp. 121–145.
3. Reis D. C. dos, Corrka de Almeida T. A., Miranda M. M., Alves R. H., Faria Madeira A. M. Health vulnerabilities in adolescence: socioeconomic conditions, social networks, drugs and violence. *Revista Latino-Americana De Enfermagem*, 2013, vol. 21, no. 2, pp. 586–594.
4. Augustyn M. B., Thornberry T. P., Henry K. L. The reproduction of child maltreatment: An examination of adolescent problem behavior, substance use, and precocious transitions in the link between victimization and perpetration. *Development And Psychopathology*, 2019, vol. 31, no. 1, pp. 53–71. DOI:10.1017/S0954579418001633
5. Hanimoglu E. Deviant Behavior in School Setting. *Journal of Education and Training Studies*, 2018, vol. 6, no. 10, pp. 133–141.
6. Pedersen M. U., Tomsen K. R. Externalizing behavior problems are related to substance use in adolescents across six samples from Nordic countries. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 2018, vol. 27, no. 12, pp. 1551–1561.
7. Federal'nyy zakon "Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh" ot 24.06.1999 N 120-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law "On the Basics of the System for the Prevention of Child Neglect and Juvenile

- Delinquency" from June 24, 1999 N 120-FZ (latest revision)]. *Konsul'tantPlyus* (in Russian). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (accessed 31 July 2019).
8. O soblyudenii prav i zakonnykh interesov detey v Tomskoy oblasti: ezhegodnyy doklad po itogam 2018 goda [On the observance of the rights and legitimate interests of children in the Tomsk region: annual report on the results of 2018]. *Upolnomochennyy po pravam rebenka v Tomskoy oblasti* [Commissioner for the Rights of the Child in the Tomsk Region]. Tomsk, 2019. 184 p. (in Russian)
  9. Makushkin E. V., Chibisova I. A. Deti i podrostki v situatsiyakh sotsial'nogo distressa [Children and adolescents in situations of social distress]. *Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii im. S. S. Korsakova – S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 2017, vol. 117, no. 2, pp. 4–12 (in Russian).
  10. O soblyudenii prav i zakonnykh interesov detey v Tomskoy oblasti: Ezhegodnyy doklad po itogam 2017 goda [On the observance of the rights and legitimate interests of children in the Tomsk region: Annual report on the results of 2017]. *Upolnomochennyy po pravam rebenka v Tomskoy oblasti* [Commissioner for the Rights of the Child in the Tomsk Region]. Tomsk, 2018. 93 p. (in Russian).
  11. Bokhan N. A., Karaush I. S., Dashiyeva B. A., Kupriyanova I. E. Addiktivnoye povedeniye i faktory riska, svyazannye so sredoy, u podrostkov s razlichnym urovnem zdorov'ya [Addictive behavior and environment risk factors in adolescents with various level of health]. *Narkologiya – Narcology*, 2018, vol. 17, no. 7, pp. 48–57 (in Russian).
  12. Tyulyupo S. V., Dashiyeva B. A., Arysheva E. G., Nastas A. E. Sredovye i individual'nye indykatory sub"ektivnogo blagopoluchiya podrostkov iz sel'skikh, malykh gorodskikh i kochevykh soobshchestv Sibiri [Environmental and individual indicators of subjective well-being of adolescents from rural, small urban and nomadic communities of Siberia]. *Baza dannykh. Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii nomer registratsii 2019620069 ot 14.01.2019* [Database. State Registration Certificate Registration No. 2019620069 dated 14 January 2019] (in Russian).
  13. Smirnov A. V. Stremeniye k sokrytiyu addiktzii kak problema psikhodiagnostiki addiktivnogo povedeniya [Attempt to conceal addiction as a problem of psychodiagnostics of addictive behavior]. *Obrazovaniye i nauka – Education and Science*, 2010, vol. 77, no. 9, pp. 48–55 (in Russian).
  14. *Metodicheskiye rekomendatsii po organizatsii deyatel'nosti antinarkoticheskikh komissiy v munitsipal'nykh obrazovaniyakh v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii* [Guidelines for organizing the activities of anti-drug commissions in municipalities in the constituent entities of the Russian Federation]. Novosibirsk, 2014. 111 p. (in Russian).
  15. Burlachuk L. F. *Psikhodiagnostika: uchebnyk dlya vuzov* [Psychodiagnostics: textbook for universities]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2006, 351 p. (in Russian).
  16. Rudenko L. D. *Sovremennyye metody sotsiologicheskikh issledovaniy: uchebnoye posobiye* [Modern methods of sociological research: a training manual]. Yaroslavl, YarGU Publ., 2012, 120 p. (in Russian).

Tyulyupo S. V., National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050). E-mail: svetdy@mail.ru

Dashiyeva B. A., Mental Health Research Institute Tomsk National Research Medical Center (ul. Aleutskaya, 4, Tomsk, Russian Federation, 634014). E-mail: bairma2009@mail.ru